

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 2 (65)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2024

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 2 (65)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

ЭТНОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-65-2-13>

УДК 398.5

Бадмаев А.А.

Институт археологии и этнографии СО РАН, просп. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090
E-mail: NSK.Badmaev@yandex.ru

ДИКИЙ ГУСЬ В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ БУРЯТ

На основе анализа разноплановых источников выявлен образ дикого гуся в традиционном мировоззрении бурят. Дана общая характеристика этой птицы в бурятской культуре, определена ее символика, выделено культовое и тотемное значение в шаманской традиции предбайкальских бурят. Выяснено, что данный орнитоморфный образ в народных воззрениях бурят является многозначным и отличается амбивалентностью коннотации.

Ключевые слова: буряты, дикий гусь, традиционное мировоззрение, символика, тотем, конец XIX — середина XX в.

Ссылка на публикацию: Бадмаев А.А. Дикий гусь в традиционном мировоззрении бурят // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 2. С. 158–166. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-65-2-13>

Введение

Среди орнитоморфных образов, представленных в культурах разных народов мира, выделяется образ дикого гуся. У земледельческих народов, которые разводили домашнюю птицу, образ дикого гуся сливается с представлениями об этой domesticiрованной птице и поэтому является более многогранным и ярким. Данная водоплавающая птица наделяется такими чертами, как верность, сексуальность, бдительность, болтливость, знаменует свободу, просвещенность, счастливый брак, рассматривается как символ солнца и природных ритмов (весны и осени). Кроме того, ее считали посланцем богов, ездовым животным и т.д. [Тресиддер, 1999, с. 69–70].

В природе Юго-Восточной Сибири дикий гусь также встречается: ранней весной он прилетает и находится там до наступления холодов. Проникновение его образа в духовную культуру населения региона предположительно произошло в дотюркский период [Дугаров, 1991, с. 212], свидетельством этого, как полагают, является изображение мифической собаки-птицы на петроглифах верхней Лены курыканского времени [Окладников, Запорожская, 1959, табл. 50, рис. 974]. Отметим, что образ собаки-гуся (у казахов собаки-пестрого гуся) присущ мифологии тюркских народов.

В отличие от образа лебедя, которому в традиционном сознании бурят отводилось важное место, образ гуся находится как бы в тени первого и остается неизученным в бурятоведческой литературе. Анализ бурятских традиционных представлений об этой птице актуален в контексте изучения взаимоотношений человека и окружающей природной среды, являющегося одной из важнейших задач современной российской науки.

Цель нашего исследования заключается в выявлении образа дикого гуся в традиционном мировоззрении бурят. В соответствии с этим поставлены следующие задачи: дать общую характеристику дикого гуся в бурятской культуре; выделить его символику в бурятской традиции; выяснить культовое значение дикого гуся на основе шаманской поэтики предбайкальских бурят. Источниками для работы послужили фольклорные, лингвистические и этнографические материалы. В качестве основного избран структурно-семиотический метод исследования, дающий возможность определить символику, связанную с диким гусем.

Общая характеристика дикого гуся в бурятской культуре

Как было отмечено выше, в ареал обитания дикого гуся, точнее, серого гуся (*Anser anser*) входит территория Байкальского региона. Гусь не представлял большого промыслового значения для бурят, но, судя по литературным источникам XVIII в., тем не менее, на него охотились и его мясо употребляли в пищу [Линденау, 1983, с. 140]. Действительно, мясо дикого гуся сочное и обладает сладким вкусом, обычно его ели жареным. Показателем важности этого пернатого для бурят является существование в их языке топонимов, производных от названия дикого гуся, которые, как правило, указывали на места его гнездования. Так, происхождение названия крупнейшего пресноводного водоема в За-

Дикий гусь в традиционном мировоззрении бурят

падном Забайкалье Гусино озеро — *Хул нуур* (из тюрк. *көл* 'озеро') или *Галуута нуур* 'Гусиное озеро' объясняют тем, что до его появления в этой местности были небольшие озерца, камыши вокруг которых служили пристанищем для гусей и лебедей и их выводка [Нацов, 1995, с. 12]. Наименование гуся у монгольских народов имеет, несомненно, единый генезис: ср. ср.-монг. *γalaγun* [γala-γun] 'гусь', халх. *галуу(н)* 'гусь', бур. *галуу(н)* 'гусь', калм. *галу(н)* 'гусь', даг. (дагурский) *галб* 'гусь', мнгр. *балу* 'гусь' [Санжеев и др., 2016, с. 17]. То же можно сказать и о словах, передающих его половозрастное деление: бур. *эрэ галуун* 'гусак', *эмэ галуун* 'гусыня', *галуунай хубуу* (*дальбараа*) 'гусенок' [Буряад-ород толи, 2010а, с. 192]; монг. *галуу(н)* 'гусак', *эм галуу* / *өхин галуу* 'гусыня', *галууны зулзага* 'гусенок' [Большой академический монгольско-русский словарь, 2000–2001, с. 522]; калм. *эр халун* 'гусак', *эм халун* 'гусыня', *халуна нуужмул* 'гусенок' [Хальмг-орс толь, 1977, с. 155]; хамн. *эрэ галуу* 'гусак', *эмэ галуу* 'гусыня', *галуунай куугэ* 'гусенок' [Хамниганско-русский словарь, 2015, с. 97]. Вероятно, номинация гуся в языках монгольских этнических групп возникла от звукоподражания крику этой водоплавающей птицы: так, буряты передают гусиный гогот как *Ган-ган* / *Гайн-гайн*, в языке дагуров это выражалось как *Гал-гал* [Краткий дагурско-русский словарь, 2014, с. 38]. В малых жанрах фольклора бурят, например в загадках, четко прослеживается именно женская природа этого пернатого:

«Урай залуудаа
Урал амаа будаад,
Улаан гутал углаад,
Урагшаа хойшоо гэшэхэдэм,
Улад зон найшаагаагуй.
Когда я молоденькой была,
Губы красила алые,
В сапожках красных порхала,
Никто меня красоткой не назвал» (гусь) [ПМА].

Таким же предстает этот орнитоморфный образ в бурятских поговорках:

«Нэнгэлдэрэй басагад
Нэндэгэр хандагар,
Шонойн басагад
Шубуу галуундли.
Девушки нэнгэлдэра
Неопрятны, неуклюжи,
Шоноевские девушки,
Как птицы, как гуси» [Бардаханова, 1982, с. 28].

В последнем случае, в представлениях бурят, эта птица возвышается до символа женской опрятности и грациозности. О феминной натуре дикого гуся в воззрениях бурят свидетельствует бытование у них женского имени, омонимичного названию данного пернатого, — *Галуун* [Митрошкина, 1987, с. 82]. В то же время в преданиях предбайкальских бурят есть упоминание о булагатском стрелке *Гагай мэргэне*, который получил право быть руководителем облавной охоты, — *галша* (от *гал* 'огонь'; в компетенцию галша, в частности, входило совершение обряда зажигания общего костра). Во время состязания он будто бы смог одной стрелой прострелить клюв летевшего гуся, а другой — убить его [Балдаев, 2009, с. 19–20]. Вероятно, в его имени, скорее всего представлявшем охотничье прозвище, передан издаваемый диким гусем крик, это становится понятно в контексте продемонстрированного им умения дважды поражать летящую дичь.

На основе рассмотрения фольклора можно заключить, что буряты выделяли некоторые биологические признаки этой дикой птицы: относительно крупные размеры, наличие удлинённой шеи, ладьеобразное туловище, красный окрас клюва и лапок. В одной из номинаций гуся — *тураг шубуун* ('букв. огромная птица') — акцент делается на том, что он представляет крупное пернатое. А в загадках с гусем ассоциируется бурятская соха (вероятно, исходили из того, что его длинная шея с небольшой головой напоминала сошник у этого пахотного орудия):

«Газар доогуур
Галуун нуугээ.
Под землю
Гусь кочует (пахать землю сохой)» [Фольклор Курумчинской долины, 1999, с. 119].

Стоит предположить, что с образом дикого гуся связана такая тамга бурят, как *хас тамга* 'свастика'. Этот крестообразный знак с загнутыми под прямым углом концами при небольшом воображении может восприниматься как повернутые посолонь гусиные головы с шеей, направленные из одной точки по четырем сторонам света.

В бурятском языке под *хас тамга* понимают свастику или яшмовую печать [Буряад-ород толи, 2010b, с. 410]. Второе значение данного словосочетания отсылает нас к истории правящих династий восточноазиатских и центральноазиатских государств, у которых яшмовая печать была символом власти, данной свыше. Заметим, что в XVIII–XIX вв. бурятские родоначальники пользовались личными печатями, правда не яшмовыми, а серебряными, со свастикой по центру рабочей стороны, что, вероятно, следует рассматривать как дань древней монгольской традиции. Считается, что свастика в традиционной культуре бурят обозначала счастье и благополучие, выражала благопожелание и покровительство небес. А.П. Окладников первым предложил выводить происхождение слова *хас* от наименования гуся у тюрков [1942, с. 19]. В пользу этой версии, в частности, говорят материалы В.Я. Бутанаева, согласно которым хакасы изображали *хас танма* 'гусиную тамгу' в виде белой свастики [2006, с. 96]. Буряты наблюдали за диким гусем в природе и подмечали не только его биологические признаки, но и поведение. Это видно на примере следующей загадки:

«Дүрбэн галуун
Дүүеэд ерэбэ,
Дүрэтэ мэргэн
Тодоод абаба.
Четыре гуся
Шумя прилетели,
Ловкий стрелок
Выждав [их] подстрелил.
(унез хааха 'дойка коровы')» [Оньһон угэнууд..., 1956, с. 26] (перевод мой. — Авт.).

В этом фольклорном произведении обыгрывается картина спускающегося с неба гуся: очертания его тела с длинной шеей, отдаленно напоминающей коровий сосок; шум, издаваемый при этом птицей, ассоциируемый со звуками сцеживания молока из коровьего вымени. Прямую аналогию гусю в коровьем соске можно увидеть в калмыцкой загадке: *Дөш деер дөрвн һалун* — букв. 'на ковальные четыре гуся' (четыре соска у коровы) [Хальмг-орс толь, 1977, с. 155]. У предбайкальских бурят был известен древний танец, именуемый *Гайн-гайн*, или Птичья игра, в которой «парень изображает ястреба, а остальные — гусей» [Балдаев, 2009, с. 18]. Очевидно, в основе обозначения этой игры лежит бурятская передача характерного крика дикого гуся — *Ган ган*.

Символика дикого гуся в бурятской традиции

В бурятском языке содержатся некоторые фразеологизмы, увязываемые с рассматриваемой водоплавающей птицей. Так, у предбайкальских бурят встречается выражение: *Галуунаа зада* 'Осеннее ненастье (совпадающее с отлетом гусей)' [Буряад-ород толи, 2010b, с. 372]. Отсюда отлет этой птицы, который в Байкальском регионе происходит поздно (в середине октября) и сопровождается, как правило, переменной погодой, символизировал смену сезонов.

Более определенно это явление отражено в такой народной примете: «Гуси летят без крика — к ненастью, часто к снегу» [Осокин, 1906, с. 225]. В ней, во-первых, важно указание на безмолвие птиц в полете. Дело в том, что так подчеркнута оппозиция осени к весне, сезону, когда, по представлениям бурят и других монгольских народов, крик дикого гуся знаменовал приход теплого времени года. В связи с этим монголы говорили: *Галуу ганц дуугаравч хавар болдоггүй* 'Гусь раз кричит — наступает весна, ворона сколько ни каркает — весна не приходит' [Большой академический монгольско-русский словарь, 2000–2001, с. 522]. Такое противопоставление гуся и вороны у них прослеживается и в другой поговорке: *Галуун дуугаар зун ирдэг, хэрээ гуаглахал зун харьдаг* 'Гусь кричит — лето приходит, ворона каркает — лето уходит'. Очевидно, эти птицы выступают антиподами, являясь знаками разных времен года (теплого и холодного).

Во-вторых, безмолвие летящего гуся якобы означает выпадение первого снега. Любопытно, что эта символика фиксируется и у хакасов: у них имеется соответствующее идиоматическое выражение «с гусиным снегом» [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 335]. Похожие приметы о первом снеге и наступлении зимы бытуют также у славянских этнических групп [Гура, 1997, с. 670–671] и вепсов [Винокурова, 2007, с. 72]. Дикий гусь, как перелетная птица, в суждениях монгольских этнических групп, включая бурят, соотносился с дальними расстояниями. К примеру, это утверждается в монгольской пословице: *Хээрийн галуу нисэн ул хурэх газарт* 'Куда дикий гусь не долетит, куда ворон костей не заносил' [Большой академический монгольско-русский словарь, 2000–2001, с. 522]. Связь образа данного пернатого с понятием *время* проявляется в такой загадке предбайкальских бурят: *Мүнөө хаание гурбан зуун жаран табан галуу дээшэ гарахаар, мүнөө болотор тээхи үгы*

Дикий гусь в традиционном мировоззрении бурят

‘У теперешнего хана 365 гусей вверх поднялись и до сих пор не ворочены’ (День) [Материалы для изучения..., 1911, с. 118]. В шаманской поэтике предбайкальских бурят дикий гусь ассоциируется с мотивом оборотничества: верили, что духи тарсайских шаманов могут обращаться в него:

«На вершине Тарсая,
Превратясь в пять гусей,
Крича, сидели мы,
Чей сын увидел?» [Хангалов, 1958, с. 177].

Идея превращения прослеживается и в эпике предбайкальских бурят: в эхирит-булагатском героическом эпосе «Аламжи Мэргэн» душа врага культурного героя скрывается в образе гуся, обитающего на озере:

«Душа этого рыжего мангадхая,
Жизненная его сила
На берегу внешнего моря,
На краю поднебесной земли
В большом желтом озере
Находится, говорят.
Они плавают там,
В большом желтом озере,
Обернувшись шестью дикими гусями» [Бурятский героический эпос, 1991, с. 135].

Из приведенного выше фрагмента можно заключить, что имеется отрицательная коннотация образа гуся в представлениях бурят: он воплощает душу демонологического персонажа.

В бурятской буддийской иконографии образ дикого гуся увязывается с *Сагаан үбээн* ‘Белым старцем’: это божество, оберегающее жизнь и дающее долголетие, символизирует плодородие и благоденствие. На буддийской иконе (*танка*) у бурят данный старец-дух изображается на лоне природы, в частности у озера с плавающими парами гусей и турпанов [Нацов, 1995, с. 98]. Этот мифический персонаж попал в буддийский пантеон из шаманизма, приверженцы которого почитали его как верховного небожителя *Эсэгэ Малаан тэнгери* ‘Отец Лысое (Ясное) небо’. Связь образа дикого гуся с упомянутыми выше мифическими персонажами указывает на его функцию не только спутника божества земли в случае с Белым старцем, но и — посредника Неба, олицетворяемого главой небожителей. В культуре ряда народов это пернатое также выполняло функцию помощника богов: к примеру, у китайцев [Чжао Цзунфу, Лю Юнхун, 2013, с. 41].

Дикий гусь как культовая птица в шаманской поэзии предбайкальских бурят

В лексике бурят обнаруживается категория птиц, в названии которых имеется эпитет *хон / хун* в значении «звонкий», к ним относятся: *хун шубуун* ‘лебедь’; *хон шубуун* ‘дикий гусь’; *хон хирээ* ‘ворон’. Надо полагать, что определяющим был не столько их звонкий крик, сколько их сакральный статус. В этой связи вспомним, что в культурах восточнославянских, тюркских и некоторых других народов отмечается взаимозаменяемость образов гуся и лебеда [Гура, 1997, с. 680; Винокурова, 2007, с. 79], неслучайно в русских сказках использовалось такое выражение, как «гуси-лебеди». У монгольских народов также фиксируются примеры заместимости образов этих водоплавающих птиц, есть даже объединяющие их понятие: к примеру, *хун галуу* — ‘хорш. ‘лебедь и гусь’ [Большой академический монгольско-русский словарь, 2000–2001, с. 522]. По данным С.П. Балдаева, в Гушитском улусе Эхирит-Булагатского аймака Бурят-Монгольской АССР местные хори-буряты обращались к своим мифическим прародителям с такими словами:

«*Хон шубуун гарбалитай,*
Хуһан модон сэргэтэй,
Хордой ноен баабаймнай,
Хондоли хатан илбиимнай.
Птица хон (лебедь, гусь) — происхождение,
Березовое дерево — коновязь:
Отец наш Хоредой — начальник,
Мать наша Хондоли — госпожа» [2009, с. 12].

В русском переводе этого шаманского текста нельзя не заметить два предлагаемых автором значения словосочетания *хон шубуун*. Казалось бы, здесь, как у забайкальских хори-бурят, в обращении к первопредкам должна упоминаться лебедь, но автор почему-то приводит и другое значение — гусь. Что бы это значило? Устойчивой формулой призывания хори-бурят Забайкалья было следующее:

«*Хуһан модон сэргэмни,*
хун шубуун эжэмни!

Береза — коновязь моя,
Лебедь — мать моя!» [Дугаров, 1991, с. 59].

Легендарную праматерь хори-буряты обычно именуют Хобоши хатун (от тюрк. хуба 'лебедь'), но, как мы могли убедиться, у предбайкальских гушитов (бур. *гушад / гучид*) ее зовут иначе. Вероятно, происхождение имени Хондоли следует выводить от существительного *хондой* 'ягодицы, зад' и/или глагола *хондойхо* 'выпячивать зад' [Буряад-ород толи, 2010b, с. 441], передающего особенность скелета и, в свою очередь, походки. Кстати, последнее может быть неким указанием на тотемную птицу. Между тем в том же районе, где был записан первый образец призывания, исследователями фиксируется особое почитание бурятами дикого гуся: «В Эхирит-Булагатском аймаке шаманисты не стреляют полевых гусей, которых считают тоже какими-то божественными» [Косоков, 1930, с. 30]. Кроме того, в составе булагатов, одного из основных этнических подразделений предбайкальских бурят, имеется янгутский род, который вел начало от гусей: «...считая их [диких гусей] своими родоначальниками. Поэтому буряты янгутского рода совершали религиозные обряды, устраивали встречу гусям во время их прилета весной и проводины осенью во время их отлета» [Манжигеев, 1960, с. 79]. Добавим, что современные исследователи предполагают тюркские корни этого рода [Нанзатов, 2017, с. 151].

Исходя из сказанного выше можно предположить, что у предбайкальских хори-бурят под тотемным животным мог пониматься и гусь, с учетом взаимозаменяемости образов двух водоплавающих птиц и влияния соседей, почитавших дикого гуся. Немаловажным фактором могло быть и то, что у упомянутых бурятских родов предполагается тюркское происхождение. А это дает параллели с традиционными представлениями тюркских народов.

В продолжение поднятой темы укажем, что Д.К. Зеленин пишет, что лебедь и гусь были фетишами у бурят Хангинского улуса [1936, с. 17]. Чтобы понять, о какой из вышеназванных водоплавающих птиц идет речь, обратимся к шаманскому призыванию бурят хангинского рода:

*«...Удхалма удхамни,
Унгилма заяамни,
Заха газар газармни,
Захайн монгол түрэмни,
Хангиш хуни тэнгэри
Шаряд хуни тэнгэри
Шанха хойто зүгтэ
Шара Хасар тэнгэри,
Найман намтагай тэнгэри,
Наян сагаан шубуун хүдэгтэн.
Юһэн сагаан шубуун зэлэтэн,
Жиимэ жэбэртэн,
Жирьемэ хушуутан,
Хобол мунгэн хушуутан,
Хотогой мунгэн далитан,
Самсаал мунгэн хушуутан,
Сагаан мунгэн далитан,
Ганганама дуутан,
Гальбалзама далитан.*

...Веду происхождение,
Воскуряю творцу-покровителю,
Далекая моя земля,
Окраина Монголии мое государство (родина),
Божество хангинов
Божество шарайдов,
Прямо на севере
Желтощекое божество.
Восемь слегка спустившихся божеств,
С восьмьюдесятью знаками белой птицы,
С девятью веревками? белой птицы,
С распростертыми крыльями,
С обычными клювами,
С клювами из подвески серебряной,
С изогнуто-серебряными крыльями.
С острыми серебряными клювами,
С бело-серебряными крыльями,
С *гагающими* голосами,
С *распахивающимися* крыльями...» [Балдаев, 2009, с. 352] (курсив и перевод мои. — Авт.).

Надо заметить, что упомянутый выше род представлял собой потомков омонголившихся тюрков-канглы, мигрировавших из Джунгарии в Предбайкалье [Очир, 2016, с. 197] и в XIX в. входивших в состав балаганских бурят. Мы не случайно выделили в переводе текста эпитет *гагающими*, по сути, это важный признак дикого гуся — его специфический крик. Соответственно можно констатировать, что для хангинов образ дикого гуся был сакральным. Однако не все так однозначно. Дело в том, что М.Н. Хангалов у тех же бурят записал призывание к онгону *Бэртэ*, в котором утверждается, что они происходят от птицы *сэн шубун* 'лебедица' [1958, с. 474–475]. Хотя это произведение шаманской поэтики вызывает вопросы, так как в нем сообщается недостоверная информация о принадлежности хангинов к хори-бурятам. Впрочем, если это не ошибка исследователя, то предположительно текст представляет продукт культурного симбиоза и поэтому вторичен относительно первого призывания.

Известно, что у тюрков Алтая распространено поверье о том, что такие парные птицы, как журавли, лебеди, турпаны и гуси, будто бы способны проклясть охотника в случае убийства своей половины [Алексеев, 1980, с. 103–106]. Среди монгольских народов аналогичные воззрения отмечены у ойратов [Эрдэнболд, 2012, с. 78]. У бурят такого рода сведения не зафиксированы. Во Внешней Монголии отдельные этнические сообщества придерживались табу на убийство дикого гуся, что указывает на его культовое значение: по Г.Н. Потанину, к таковым относились халха [1881, с. 98]. Этот запрет был даже внесен в действовавший в стране с XVIII в. до 1911 г. свод правовых норм «Халха Джирум» [Рязановский, 1931, с. 81]. Причиной сбережения этого пернатого в халха-монгольском обществе, вероятно, было почитание его образа в буддизме, северной ветви которого в рассматриваемое время придерживалось большинство монголов. Сакрализация дикого гуся все же была более характерна для тюркских народов: по этнографическим сведениям, эта птица считалась тотемом у башкир, марийцев [Чувашская мифология, 2018, с. 135]; киргизов [Беннигсен, 1912, с. 3]; якутов [Румянцев, 1962, с. 163] и др.

Заключение

В результате проведенного нами исследования можно прийти к следующим выводам. В малых жанрах фольклора бурят акцентируется женская природа дикого гуся, в то же время в их антропонимии прослеживается его гендерность. Выяснено, что для бурят особое значение имели его отдельные биологические признаки и особенности поведения. С диким гусем связывали природные ритмы (начало весны и середину осени), а также — выпадение первого снега. При этом существенное значение придавали его крику. Его образ символизировал дальние расстояния и время. С ним также увязывался мотив оборотничества. Данная птица как в шаманской, так и в буддийской традиции считалась помощником божества (верховного небожителя у шаманистов, и Белого старца у буддистов). В эпике бурят он наделялся отрицательной коннотацией. По народным воззрениям части предбайкальских бурят, дикий гусь обладал сакральным статусом. У них отмечалась взаимозаменяемость образов гуся и другой священной птицы — лебедя. Гусь (точнее, гусыня) выступал тотемом ряда предбайкальских родов.

Финансирование. Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 317 с.
- Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят / Отв. ред. А.И. Уланов. Ч. 1. Изд. 2. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2009. 376 с.
- Бардаханова С.С. Малые жанры бурятского фольклора: Пословицы, загадки, благопожелания. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1982. 208 с.
- Беннигсен А.П. Легенды и сказки Центральной Азии. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1912. 168 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь: Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь / Под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002. 2198 с.
- Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь: В 2 т. / Сост. К.М. Черемисов, Л.Д. Шагдаров. Т. 1: А–Н. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010а. 636 с.
- Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь: В 2 т. / Сост. К.М. Черемисов, Л.Д. Шагдаров. Т. 2: О–Я. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010б. 708 с.
- Бурятский героический эпос / Сост. М.И. Тулохонов. Новосибирск: Наука, 1991. 312 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 1).
- Бутанаев В.Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан: Изд-во Хакас. ун-та, 2006. 254 с.

Бадмаев А.А.

- Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И.* Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан: Изд-во Хакас. ун-та, 2008. 376 с.
- Винокурова И.Ю.* Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции): Дис. ... д-ра ист. наук. Петрозаводск, 2007. 565 с.
- Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Дугаров Д.С.* Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М.: Наука, 1991. 300 с.
- Зеленин Д.К.* Культ онгонов в Сибири: Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 436 с. (Тр. ИААЭ; Т. XIV: Этногр. сер.; Вып. 3).
- Косоков И.* К вопросу о шаманстве в Северной Азии. М.: Безбожник, 1930. 78 с.
- Краткий дагурско-русский словарь* / Сост. Г. Тумурдэй, Б.Д. Цыбенков. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 236 с.
- Линденау Я.И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-востока. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1983. 176 с.
- Манжигеев Н.М.* Янгутский бурятский род: Опыт историко-этнографического исследования. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. 232 с.
- Материалы для изучения бурятской народной словесности и языка* // Известия ВСОИРГО. 1911. Т. 42. С. 111–136.
- Митрошкина А.Г.* Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.
- Нанзатов Б.З.* Идинские буряты в XIX в.: Этнический состав и расселение // Известия Иркут. ун-та. Сер. Геоархеология, этнология, антропология. 2017. Т. 20. С. 136–156.
- Нацов Г.-Д.* Материалы по истории и культуре бурят. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 156 с.
- Окладников А.П.* О возникновении письменности в Якутии // Окладников А.П., Барашков И.И. Древняя письменность якутов. Якутск: Гос. изд-во ЯАССР, 1942. 38 с. (Материалы научной конференции кафедр / Якут. гос. пед. ин-т).
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.* Ленские писаницы. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1959. 145 с.
- Онъон уганууд, таабаринууд* / Сост. Д. Мадасон. Улан-Удэ: Бурят-монголой номой хэблэл, 1956. 40 с.
- Осокин Г.М.* На границе Монголии: Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906. 304 с.
- Очир А.* Монгольские этнонимы: Вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 286 с.
- Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Императорского Русского географического общества. Вып. 2: Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1881. 181 с.
- Румянцев Г.Н.* Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 266 с.
- Рязановский В.А.* Монгольское право: (Преимущественно обычное): Ист. очерк. Харбин: Тип. Н.Е. Чернышева, 1931. 368 с.
- Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В.* Этимологический словарь монгольских языков: В 3 т. Т. II: Г–Р. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.
- Тресиддер Дж.* Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
- Фольклор Курумчинской долины.* Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 137 с.
- Хальмг-орс толь.* Русско-калмыцкий словарь / Под ред. Б.Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 765 с.
- Хамниганско-русский словарь* / Сост. Д.Г. Дамдинов, Е.В. Сундуева. Иркутск: Оттиск, 2015. 364 с.
- Хангалов М.Н.* Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. Т. 1. 551 с.
- Чжао Цзунфу, Лю Юнхун.* Звери и птицы как символы в китайской культуре. Пекин: Пекинская компания «Шанс»; СПб.: КАРО, 2013. 236 с. (Сер. Культура и история Китая: Символика китайской культуры).
- Чувашская мифология: Этнографический справочник.* Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 591 с.
- Эрдэнболд Л.* Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX — начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 196 с.

Информатор

Сотнич Ольга Ильинична, 1957 г.р., бурятка, род абзай. Записано в июне 1999 г. в с. Ранжурово Кабанского р-на Республики Бурятия.

Badmaev A.A.

Institute of Archeology and Ethnography of Siberian Branch RAS
prosp. Acad. Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
E-mail: NSK.Badmaev@yandex.ru

Wild goose in the traditional worldview of the Buryats

The purpose of this study is to identify the image of the wild goose in the traditional worldview of the Buryats. The timeframe of this research covers the end of the 19th — middle of the 20th c., the period when the Buryats

Дикий гусь в традиционном мировоззрении бурят

overall retained their set of mythological views. Geographically, the survey is focused on south-eastern Siberia, which includes ethnic Buryatia. The research is based on a variety of sources, including folklore, linguistic and ethnographic information. The structural-semiotic method has been chosen as the main technique of study, which allows determination of the symbolism that conveys the ideas about wild goose. It has been revealed that in minor genres of the Buryat folklore, the feminine nature of the wild goose is emphasized, and their anthroponymy manifests its gender differences. It has been found that, for the Buryats, the individual biological and behavioral characteristics of the goose were of a particular importance. It has also been determined that natural rhythms (the start of spring and the middle of autumn) were associated with the wild goose, as well as the first snowfall. At the same time, significant importance was attributed to its cry. Its image symbolized long distances and time. The motive of shapeshifting was also linked to it. This bird, both in shamanic and Buddhist traditions, was considered to be an assistant to the deity (the supreme celestial being among shamanists, and the White Elder among Buddhists). In the Buryat epics, it was endowed with a negative connotation. According to the traditional perceptions of some of the Cis-Baikal Buryats, the wild goose had a sacred status, and the interchangeability of images of a goose and another sacred bird — a swan — has been noted. The goose (precisely, the female goose) acted as a totem for a number of Cis-Baikal kins.

Keywords: Buryats, wild goose, traditional worldview, symbolism, totem, the end of the XIX — the middle of the XX century.

Funding. The work was carried out within the framework of the research project of the IAET SB RAS No. FWZG-2022-0001 "Ethnocultural diversity and social processes of Siberia and the Far East of the XVII–XXI centuries".

REFERENCES

- Alekseev, N.A. (1980). *Early forms of religion of the Turkic-speaking peoples of Siberia*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Baldaev, S.P. (2009). *Ancestral traditions and legends of the buryats. Part. I*. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BGU. (Rus.).
- Bardakhanova, S.S. (1982). *Small genres of Buryat folklore: Proverbs, riddles, good wishes*. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Bardakhanova, S.S. (Ed.) (1999). *Folklore of the Kurumchinsk valley*. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN. (Buryat, Rus.).
- Bennigsen, A.P. (1912). *Legends and fairy tales of Central Asia*. St. Petersburg: Tipografiia A.S. Suvorina. (Rus.).
- Butanaev, V.Ia. (2006). *Hongorai traditional shamanism*. Abakan: Izdatel'stvo KhGU. (Rus.).
- Butanaev, V.Ia., Butanaeva, I.I. (2008). *The world of khongorsky khakass) folklore*. Abakan: Izdatel'stvo KhGU. (Rus.).
- Cheremisov, K.M., Shagdarov, L.D. (Eds.) (2010a). *Buriad-odroldi. Buryat-Russian dictionary: In 2 vol. Vol. 1*. Ulan-Ude: Respublikanskaia tipografiia. (Buryat., Rus.).
- Cheremisov, K.M., Shagdarov, L.D. (Eds.) (2010b). *Buriad-odroldi. Buryat-Russian dictionary: In 2 vol. Vol. 2*. Ulan-Ude: Respublikanskaia tipografiia. (Buryat., Rus.).
- Damdinov, D.G., Sundueva, E.V. (Eds.) (2015). *Hamnigan-Russian dictionary*. Irkutsk: Ottisk. (Hamnigan., Rus.).
- Dugarov, D.S. (1991). *The historical roots of white shamanism (based on the material of the ritual folklore of the buryats)*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Egorov, D.V. (Ed.) (2018). *Chuvash mythology: An ethnographic reference book*. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Erdenbold, L. (2012). *Traditional beliefs of the Oirat mongols (late XIX — early XX centuries)*. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN. (Rus.).
- Gura, A.V. (1997). *Animal symbolism in the Slavic folk tradition*. Moscow: Indrik. (Rus.).
- Khangelov, M.N. (1958). *The collected works: In 3 vol. Vol. I*. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Kosokov, I. (1930). *On the issue of shamanism in North Asia*. Moscow: Bezbozhnik. (Rus.).
- Lindenau, Ia.I. (1983). *Description of the peoples of Siberia (the first half of the XVIII century): Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the Northeast*. Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Madason, D. (Ed.) (1956). *Proverbs, riddles*. Ulan-Ude: Buriat-mongoloi nomoi kheblel. (Buryat.).
- Manzhigeev, N.M. (1960). *The Yangut buryat clan: The experience of historical and ethnographic research*. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Mitroshkina, A.G. (1987). *Buryat anthroponymy*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Muniev, B.D. (Ed.) (1977). *Khal'mg-ors tol'. Kalmyk-Russian dictionary*. Moscow: Russkii iazyk. (Kalm., Rus.).
- Nanzatov, B.Z. (2017). Idin buryats in the 19th century: Ethnic composition and settlement. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii Geoarkheologiya, etnologiya, antropologiya*, 20, 136–156. (Rus.).
- Natsov, G.-D. (1995). *Materials on the history and culture of the buryats*. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN. (Rus.).

- Ochir, A. (2016). *Mongolian ethnonyms: Questions of the origin and ethnic composition of the Mongolian peoples*. Elista: KIGI RAN. (Rus.).
- Okladnikov, A.P. (1942). About the emergence of writing in Yakutia. In: Okladnikov A.P., Barashkov I.I. *The ancient writing of the yakuts*. Iakutsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo IaASSR. (Rus.).
- Okladnikov, A.P., Zaporozhskaia, V.D. (1959). *Lena writings*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (Rus.).
- Osokin, G.M. (1906). *On the border of Mongolia: Essays and materials for the ethnography of Southwestern Transbaikalia*. St. Petersburg: Tipografiia A.S. Suvorina. (Rus.).
- Piurbeev, G.Ts. (Ed.) (2001–2002). *Large academic Mongolian-Russian dictionary*. Moscow: Academiai. (Mong., Rus.).
- Podgorbunskii, I. (Ed.) (1911). Materials for the study of buryat folk literature and language. *Izvestiia Vostochno-Sibirskogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 42, 111–136. (Rus.).
- Potанин, G.N. (1881). *Essays on northwestern Mongolia, (1)*. St. Petersburg. (Rus.).
- Riazanovskii, V.A. (1931). *Mongolian law (Mostly customary): A historical essay*. Kharbin: Tipografiia N.E. Chernysheva. (Rus.).
- Rumiantsev, G.N. (1962). *The origin of the Khorin buryats*. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Sanzheev, G.D., Orlovskaiа, M.N., Shevernina, Z.V. (2016). *Etymological dictionary of mongolian languages: In 3 vol. Vol. I*. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN. (Mong., Rus.).
- Tresidder, J. (1999). *Dictionary of symbols*. Moscow: FAIR-PRESS. (Rus.).
- Tulokhonov, M.I. (Ed.) (1991). *The Buryat heroic epic. Series Folklore monuments of the peoples of Siberia and the Far East: In 60 vol. Vol.I*. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otd-nie. (Buryat., Rus.).
- Tumurdei, G., Tsybenov, B.D. (Eds.) (2014). *Short Dagur-Russian dictionary*. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN. (Dagur., Rus.).
- Zelenin, D.K. (1936). The cult of the Ongons in Siberia. Remnants of totemism in the ideology of the Siberian peoples. *Trudy Instituta antropologii, arkheologii i etnografii AN SSSR. T. XIV. Vyp. 3*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. (Rus.).
- Zhao, Zongfu, Liu, Yonghong (2013). *Animals and birds as symbols in Chinese culture*. Pekin: Shans; St. Petersburg: KARO. (Rus.).

Бадмаев А.А., <https://orcid.org/0000-0002-9525-4366>

Сведения об авторе: Бадмаев Андрей Андреевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

About the author: Andrew A. Badmaev, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of Institute of Archaeology and Ethnography of the RAS, Novosibirsk.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 28.02.2024

Article is published: 15.06.2024